

Спасение друга - наивысшая честь

К Окружному дому офицеров подходит Алексей Иванович Перелазный, а точнее, он не подходит, а с трудом передвигается с помощью костыля. Одна его нога совсем вышла из строя после принесенного паралича, а вторая действует тоже слабо, по возрасту. Мог бы Алексей Иванович и дома посидеть, не рисковать из Батайска ехать в Ростов при инвалидности 2 группы, но не смог. Заседание совета ветеранов родного авиаполка какой-то внутренней силой тянет ветеранов к боевым друзьям. Бывшего воздушного стрелка тяжелого бомбардировщика, Лёню Перелазного тепло встретили те, кто вместе с ним начинали летную службу ещё 1933-1936 годах в городе Ростове-на-Дону.

Это офицеры в отставке С.И. Золочевский, И.Ф. Сиренко, П.С. Орлов, А.С. Тисенко, С.А. Попов, Ф.В. Белановский, Г.А. Колодяжный - всего более 20 сослуживцев. Боевую выучку все они проходили в составе 1-го тяжелого бомбардировочного авиаполка в небе Донского края. В сентябре 1940 года полк покинул Ростов-на-Дону и приземлился у западных границ, откуда чернели тучи войны.

Боевые экипажи части с первых дней вторжения гитлеровцев приспособились наносить ощутимые ночные удары по агрессорам. Сначала совершали бомбардировки врага на Западном фронте, потом на подступах к Москве, а в 1942-1943 годах полк участвует в операциях на Сталинградском фронте, на Дону, Кубани, в Крыму, на Курской дуге

Я многое знал о храбрости, чести и благородстве, которые проявил на войне в очень сложных условиях А.И. Перелазный. А после заседания Совета ветеранов я постарался уточнить некоторые детали, чтобы точнее рассказать о мужественном характере этого человека.

... По точным данным разведки в течение всего дня 22 июня 1943 года на просторном аэродроме Алсуфьево Брянской области гитлеровцы сосредоточили более 100 самолетов. Было видно, что противник готовится к массированным налетам на наши позиции. Если они это сделают, то наши части могут понести большие потери. Разрушить этот план гитлеровцев было приказано экипажам 1-го гвардейского Краснознаменного Брянского авиационного полка дальнего действия.

Вечером 22 июня самолеты полка, до предела загруженные бомбами, поодиночке, с интервалом 5 минут произвели взлет и взяли курс на Алсуфьево. Задача была предельно ясно - уничтожить на земле грязных стервятников и не дать подняться в воздух не одному фашисту.

Только на этот раз экипажу Ли-2 Новикова, где воздушным стрелком был Перелазный, задание было несколько сложнее. Его самолёт, снабженный светящимся авиабомбами (САБами), шёл на цель первым. Он должен был сделать несколько заходов по кругу и каждый раз над аэродромом "подвесить" на парашютах ярко светящиеся САБы, пока не отбомбится весь полк. Так и было: командир Новиков ведет машину на цель, штурман Грачёв сбрасывает САБы, а Перелазный огнем из пулемета строчит по вражеским прожекторам и зениткам. Потом Новиков уходит на очередной круг, а самолёты полка при отличном освещении бомбят по цели, умножая с каждым разом число горящих неприятельских Ю-88 и Ме-110. И так прошло четыре цикла. Теперь можно было брать курс на свою базу. Но штурману нужно было зафиксировать на карту точки разрывов и пожаров. Поэтому командир повел машину ещё раз на объект. В это время снизу подкрался Ме-110 и поджег левое крыло самолёта. Пожар начал быстро разрастаться. Лётчик включил в общую кабину свет, чтобы экипажу удобнее было покинуть машину, но тут последовала новая атака гитлеровца. Длинная пушечно-пулеметная очередь густо прошла через кабины самолета. Штурман был убит. Алексей Перелазный покинул самолет после радиста Учарова. Приземление в мелколесье получилось в основном удачным, но с небольшим ушибом правого предплечья. Свернув парашют в комок и спрятав его в кусты, Алексей с пистолетом наготове начал ориентироваться. "Где остальные", - думал он. Короткая летняя ночь была на исходе. Кругом немая тишина. Только где-то в десятке километров к северо-востоку небо озарялось огненным светом, да бухали взрывы. Алексей присел, стал прислушиваться. Проходит минута, вторая. И, вдруг, Перелазный услышал слабый и протяжный человеческий стон. Лёня быстро направился на зов. Ускоряя шаги, он точно шёл на голос раненого товарища. Он еще не знал, кого сейчас найдет - радиста Учарова, командира Новикова или борттехника Календу. Когда голос утих, Лёня подал свой негромкий окрик: "Эй, кто здесь ?" Раненый член экипажа понял, что к нему приблизился свой, тихо отозвался:

- Лёня, я здесь.

Перевозный, спотыкаясь о заросли, быстро подбежал к товарищу. Это был борттехник Пётр Календа. Он лежал в луже крови, которая сочилась из груди, рук и правой ноги. На нём не осталось живого места. Левая нога тоже оказалась выбитой.

П.А. Коленда потом вспоминал: "Меня тогда ранило в грудь обе руки и правую ногу. С трудом вывалился из корабля и раскрыл парашют. Приземлялся только на левую ногу и выбил её. Я был весь изуродован....».

Перелазный видел серьезность положения товарища. Он начал перевязывать раны Петра. В один миг Алексей разорвал свою нижнюю рубашку и приступил к работе. Для него это было слишком сложным делом. Нестерпимая боль доставляла сильные мучения борттехнику. Когда Перелазный уже заканчивал перевязку, Календа потерял сознание. Алексея охватила какой-то страх, ему показалось, что товарищ умер. Он думал, что его небрежность в оказании помощи убила товарища.

"Моё сердце тогда ужасно защемило. Я думал, неужели наступил конец моему другу", - вспоминал позже Алексей Иванович. В это время уже почти полностью рассвело. Где-то неподалеку я услышал треск нескольких автоматных очередей. "Значит немцы дают о себе знать, нужно побольше осторожности", - подумал Перелазный. Попробовал пульс Петра, послушал дыхание. Вроде бы жив. Стал его тормозить потихоньку - бесполезно. Хотел тело Коленды взвалить на себя и быстро перенести метров 60 в лесополосу. Но потом сам ужаснулся этой мысли: при привязке Алексей чётко ощущал у него перебитые ребра, да, и рана обширная, глубокая. В глаза бросилось удивительное совпадение - одна вражеская пуля в момент атаки истребителя попала точно в медаль "За отвагу", которая висела на груди Календы. На медали пуля образовала глубокую вмятину, но насквозь не пробила. Так боевая награда предотвратила гибель воина. Тогда раздумывать было некогда. Пришлось быстро наломать веток и деревьев, осторожно положить на них раненого товарища и волоком тащить к лесу. Так прошло не более часа, и Алексею Ивановичу удалось доставить борттехника в лесополосу.

Солнце по-летнему начало пригревать. У Алексея во рту пересохло, появилась мучительная жажда. Возможность добыть воду в этой обстановке полностью была исключена. Перелазный глаз не спускал с товарища: то и дело брал его руку, проверял пульс и слегка тормозил, пытаясь привести его в сознание. Лишь спустя более часа Петя вдруг вздрогнул, открыл глаза и почти шепотом сухими губами произнес: "Пи-и-ить". Алексея сразу обдало жаром. "Если меня ужасно одолевает жажда, то каково состояние тяжело раненого моего товарища", - подумал он. С большим усердием пришлось убеждать своего друга: "Потерпи немного Петя, кругом немцы, но воды я постараюсь тебе найти. Потерпи дружище, прошу тебя".

В это время Календа напрягся, хотел было приподняться, но тут же расслабился, лицо его сжалось от невыносимой боли, и он тяжело и протяжно застонал. Сквозь стон он пытался что-то говорить своему боевому товарищу, но понять его было невозможно. Пётр снова потерял сознание. Его вид был ужасным. Он весь был в крови - лицо, грудь, живот, спина, руки. Кровь была уже засохшая, но её запах щемил моё сердце.

Что Алексею оставалось делать? В таком состоянии оставить на время товарища одного - нежелательно. Но, ведь, нужно было срочно найти воду и определить направление движения на брянские леса, где действует партизаны. Тогда Алексей Иванович принял примитивное решение: замаскировал понадежнее Календу свежими ветками, чтобы фрицы не обнаружили, если появятся здесь в его отсутствие. Сам же с двумя пистолетами пошел вниз по широкой лесополосе. Минут через 35 вдали, километрах в 5 возле леса, он увидел несколько бронемашин. Немцы маскировались как трусливые псы. Дальше ходу не было. Возвратившись к борттехнику, Перелазный застал его в том же положении: он лежал на спине на увязанных ветках в тени под многолетним деревом. В поисках воды мне пришлось направиться в противоположную сторону. Но через полчаса и там наткнулся на группу немцев. Зато отсюда Алексею удалось увидеть луг, через который можно пройти и оказаться в лесу. Только расстояние нужно преодолеть около 6 км. Теперь решение было одно - ждать вечера и начать двигаться на лес. Вернувшись к товарищу, Алексей Иванович испытал облегчение: у друга глаза открыты, и он зашевелил руками. О воде Календа не стал говорить, понимал, что ее нет. Только начал просить запомнить адрес жены и всё рассказать ей. "Я безнадежный", - говорил он. Алексей же заверял товарища, что будет всё хорошо, и что они обязательно пробьются к своим.

В эти минуты и часы Перелазного жестоко угнетало слишком слабое состояние Календы и особенно собственная беспомощность. Календа лежит мертвецки бледный, а впереди предстоят тяжелейшие испытания.

Вечером Алексей потащил друга в намеченном направлении. Сначала было не особенно тяжело: шагов 20 протянет, 7-10 секунд отдых. Потом силы начали таять. Для отдыха стало требоваться 30, 40 секунд, потом минута, полторы Это привело к тому, что к утру им добраться до леса не удалось. День 24 июня застал авиаторов на бурьянистом поле в полукилометре от леса. Теперь Перелазный вынужден был двигаться полужелеза на боку. Силы его были на исходе, но медленное перемещение

продолжалось. Тем временем Календа не переставал упрашивать бросить его, а самому спастись. Потом стал приказывать: "Я старше по званию и приказываю тебе - уходи от меня", - бормотал он пересохшими губами.

"Ничего, Петя, найдём воду и на душе станет веселей", - подбадривал Перелазный друга утомленным и неуверенным голосом. Оглянувшись, Алексей увидел несколько больших немецких автомашин с солдатами. Они мчались вдоль лесополосы, в которой Лёня весь день 23 июня бережно хранил борттехника. Пришлось залечь, пока не скрылись немцы.

Прошло еще более 2 мучительных часов и друзья приблизились к лесу. На душе полегчало. Углубившись в заросли метров на 10, Перелазный увидел землянку. Озираясь внимательно вокруг, с двумя пистолетами в руках он осторожно вошел в неё. Землянка оказалась заброшенной. Не было никаких признаков, что её кто-либо занимает. В считанные минуты раненый Календа был водворен в это укрытие. Он, измученный сильными болями и жаждой, терпеливо лежал молча.

Измученный Алексей сразу поплелся в поисках воды. И на этот раз ему повезло. Спустившись в небольшую лощину, он, глазам своим не веря, увидел мизерную лужайку и ручеек с водой. Алексей жадно припал к воде, выпил лишь несколько глотков, потом быстро набрал её в кожаный шлем и почти бегом понес другу. С большим риском друзья отдыхали в землянке почти весь день. Они готовились в трудный путь.

С этого дня Алексей Перелазный передвигался не только ночью, но и днем. Лесами и перелесками, шаг за шагом тащил осторожно и терпеливо раненного борттехника навстречу с партизанами.

«... Впереди нас лежал еще более трудный и смертельно опасный маршрут. Главное было не натолкнуться на гитлеровцев, которых здесь было великое множество. Поэтому мне приходилось периодически оставлять товарища в определённом месте, а самому удалиться вперёд на 200-300 м, определять степень безопасности дальнейшего пути, и только тогда, возвратившись за Календой, продолжать движение. Такой порядок сильно снижал нашу скорость и дополнительно отбирал у меня, можно сказать, последние силы. Зато за время моей разведки Петя мог передохнуть и набраться терпения. Это было очень важно - я видел, что жизнь моего друга висит буквально на волоске. Ему нужна срочная медицинская помощь, покой и питание. Он с большими мучениями выдерживал моё очень осторожно его перемещение. Часто терял сознание и в бреду издавал сильный шум, угрожая фашистам. Придя в себя, он жаловался, что хочется дышать, а раны мешают. Я ослабил немного перевязку, но Петя не почувствовал облегчения, он молчал. Я ужасно волновался. Хотелось любой ценой спасти друга, но его состояние и окружающая обстановка почти не давали надежды. С каждым часом становилось всё труднее. И всё же в глубине моей души очень крепко держалась маленькая, но твёрдая вера в удачу.

Прошло еще трое мучительно изнурительных суток. Несколько раз нам каким-то чудом удавалось укрываться от преследования оккупантов. Петя уже не мог говорить, лишь иногда чуть приоткрывал глаза и снова медленно закрывал их. Было уже начало дня 27 июня 1943 года. Я, как всегда, оставил Календу в кустах и с пистолетами в обеих руках пошёл вперёд. Скоро вышел на лесную тропу. Прислушиваюсь, вокруг ни малейшего шороха, только густая листва создавала приятный лесной шелест. Я решил посидеть на тропе, поразмыслить. Меня потянуло в сон. Хорошо бы поспать часок, другой, но не те обстоятельства. И, вдруг, лесную тишину нарушили негромкие людские голоса. Я засел за кустом. Вижу, идут трое бородачей и два подростка, все с автоматами. "Не может быть, чтобы это были полицаи", - подумал я, испытывая горячий прилив радости. Но обнаружить себя почему-то воздерживался. Когда пятёрка сравнялась со мной, один из них также негромко говорит: "Товарищи, кто помнит похоронку взрывчатки?" В этот момент я из последних сил выпрямился во весь рост и дрожащим голосом и едва выговорил: "Дорогие, наши...". На меня смотрели пять автоматных столов. К моему горлу подкатился комок, на грязном, щетинистом лице появились слезы, голова пошла кругом.

Когда я привел бородачей борттехнику, они посмотрели на рану, сочувственно переглянулись, мол, жив ли он еще? Через час на этой дорожке появилась телега с лошадьёю. Этим транспортом Календа был доставлен в хорошо организованный партизанский отряд. К счастью, партизанский врач имел всё необходимое для обработки ран и оказания первой медицинской помощи.

На второй день после крепкого сна я сразу пошёл в медпункт. К моей большой радости Петя, который только вчера казался мне совсем безнадежным, встретил меня едва заметной улыбкой. В этот день я почти всё время дежурил у кровати товарища. А ночью за ним прилетел самолет. Через 7 дней я тоже простился с партизанами и ночью на У-2 прилетел в свою часть. На душе было радостно - друга удалось спасти.

В первый день моего пребывания в полку мне удалось проведать Петра Андреевича в госпитале. Моё появление вызвало там трогательный восторг. Календа успел все подробности рассказать медикам и раненым фронтовикам. Мне было даже неудобно, когда окружающие товарищи моему воинскому долгу приписывали какие-то особые заслуги...», - вспоминал Алексей Иванович.

Полк продолжал наносить все более жестокие удары по врагу с воздуха. Под натиском советских войск противник все дальше откатывался на Запад, неся большие потери. Воздушный стрелок Алексей Перелазный через неделю отдыха продолжал успешно летать и выполнять боевые задания. После 40 дней лечения и Пётр Коленда снова занял своё кресло на боевой машине в кабине борттехника. До конца Великой Отечественной войны каждый из моих друзей совершил более 300 боевых вылетов. Более 300 раз они мужественно встречали смертельную опасность, но о смерти не думали, их мысли были заняты нанесением смертельных ударов по врагу.

В настоящее время ветераны войны тихо и скромно живут в замечательных наших городах. А.И. Перелазный проживает в Батайске, в 10 километрах от Ростова-на-Дону. Его грудь украшают 3 боевых ордена и много медалей. А Календа живёт в Одессе. Среди его боевых наград выделяется «раненая» медаль «За отвагу», которая, как он говорит, спасла от смертельного ранения, и поэтому является самой дорогой наградой.

Семён Иванович Емельяненко –
председатель Совета ветеранов 1 гв.апдд.
г.Ростов-на-Дону, 15 марта 1984 года.